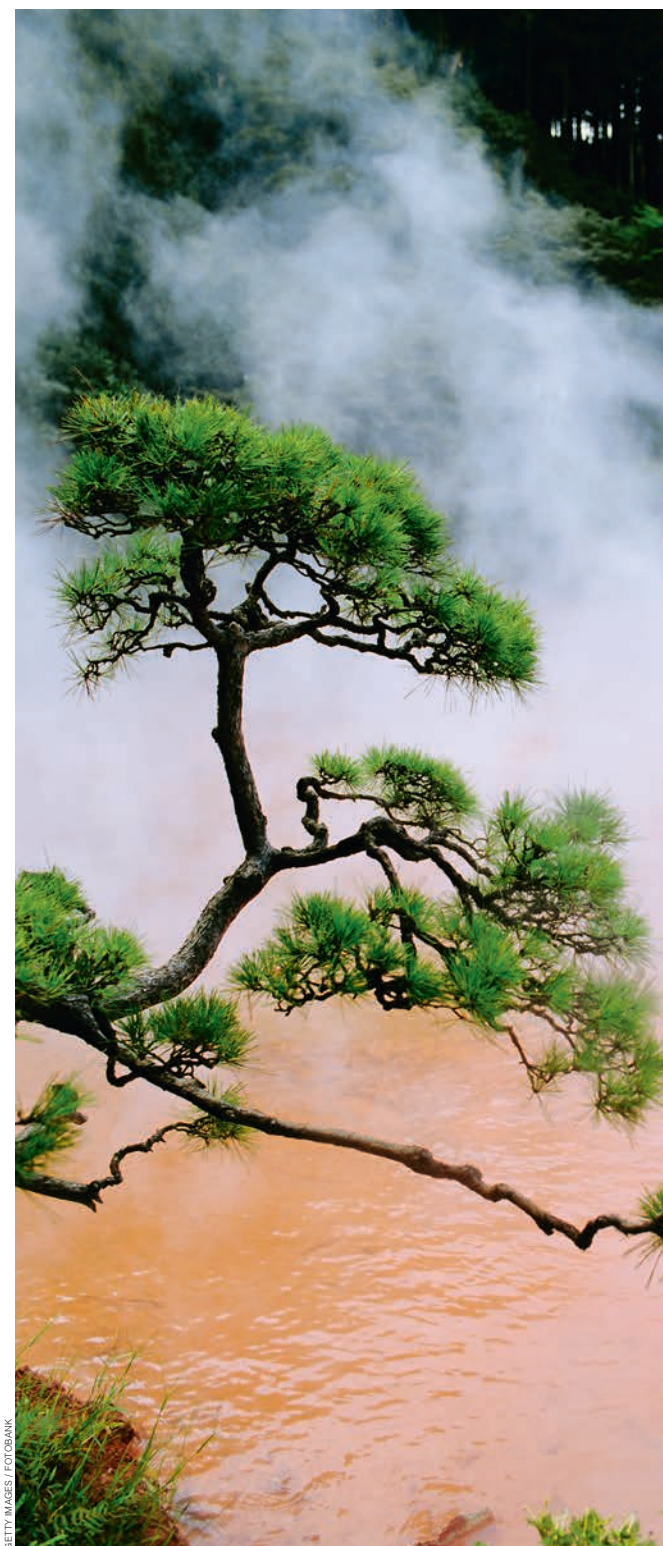
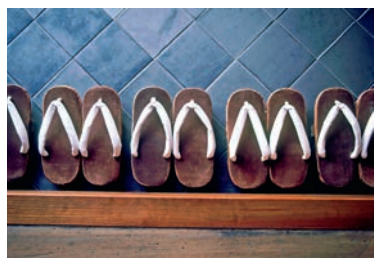


ПОГРУЖЕНИЕ МЕДИТАЦИЯ В ГОРЯЧЕМ ИСТОЧНИКЕ, ПРОВОЦИРУЮЩАЯ ПОЛНОЕ ОЧИЩЕНИЕ РАЗУМА ДМИТРИЙ КУБИКОВ



Закат догорает в партере японским веером. Строка из Иосифа Бродского. Правда, у Бродского веер был китайский. Но эти слова лучше других подходят под описание того, что я вижу, распластавшись в чем мать родила в кедровой купели. Осенняя прохлада уже рассыпалась хрустальными осколками по периферии зеркального озера. Солнце нырнуло под воду, оставив за собой тлеющий огненный след. В такой миг в голове сплошные литературные сентенции. Вечереет. Как сказал бы Набоков, «очаровательным мандариновым светом» наливаются в сумерках тугие дождевые облака. Минорные цвета смешиваются на неоновом мольберте и рожают удивительную картину у горизонта. Там, где металл остывшего неба переплавляется, следуя законам природной алхимии, в серебро застывшего озера.

Я лежу в деревянной ванне, наполненной обжигающим минеральным бульоном. Мысли уходят. И вот уже в голове абсолютная пустота, и хотя бы ради этого стоит прилететь в Японию. Чтобы случился и волнительный вид с третьего этажа Nipponza — лучшего рекана Хоккайдо, и молчащий мобильный, и, конечно, термальная вода, щедро приправленная целительными природными компонентами. Медитация в онсэнэ — горячем природном источнике, — быть может, заурядный акт для японца. Но мне в текущий момент это действо кажется величайшим даром. Помните «Дар» Набокова? «Вода мчалась со страшной силой, гладкая, однако, как раскаленный свинец...» Не удивлюсь, если он писал эти строки в Японии.

Все, что до момента погружения в бьющий из отельного крана фонтан казалось безгранично важным, в следующий миг теряет всякий смысл. Омовение провоцирует неожиданный терапевтический эффект. Покалывая разгоряченную кожу, вода успокаивает не только физическое тело, но и разум. В какой-то момент мир вокруг сходится в единственной точке. И нет ничего важнее плеска целебного киселя и морозной закатной прохлады.

На Хоккайдо сейчас сезон любования листьями. Вокруг огромного озера (не Байкал, конечно, но тоже впечатляет) выстроились академической шеренгой пестрые клены. Французские импрессионисты, и в особенности Клод Моне, вдохновлялись, очевидно, тоже плескаясь в купелях. На импровизированной палитре смешиваются тысячи оттенков красного. Амарант, киноварь, терракота, фуксия, кармин. Хаотичный цветовой букет стремится к упорядоченности, и в конечном итоге все эти небрежные мазки сходятся в финальном аккорде пьянящей спелой бургундии.

Залитая застенчивым румянцем листва приковывает взгляды тысяч наблюдателей. Смотреть на красочные инсталляции нужно по-особенному. Не слишком пристально, не слишком восторженно. Смотреть нужно так, как будто все вокруг привычно и естественно, но в то же время поддерживая на должном